

Научная статья /
Research Article

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)53

«НЕТВАРНАЯ ТВЕРДЬ»:
ВЯЧ. ИВАНОВ И С. БУЛГАКОВ
(ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ)

© 2022 г. Л.Л. Ермакова

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург,
Россия*

Дата поступления статьи: 12 марта 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 25 октября 2021 г.

Дата публикации: 25 марта 2022 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-338-355>

*Публикация подготовлена в ходе проведения исследования
(грант № 19-04-044) в рамках Программы «Научный фонд Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)»
в 2020 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов
Российской Федерации «5-100»*

Аннотация: Поэта-символиста Вячеслава Иванова и религиозного философа Сергея Булгакова в 1905–1918 гг. связывали как деловые, так и дружеские отношения. В 1914 г. Вяч. Иванов опубликовал стихотворение «Мать» («Те глыбы, что нежно засыпали гроб...») с посвящением С. Булгакову. В настоящей статье представлен его анализ с привлечением черного варианта стихотворения, позволяющего проследить работу творческой мысли поэта. Был выявлен биографический контекст: смерть матери С. Булгакова, который изложил свое переживание этого события в «Свете невечернем». Особое внимание уделено характерным для поэтики Вяч. Иванова символам и мотивам: тверди, солнцу-сердцу и мотиву прозрачности. Общим для Вяч. Иванова и С. Булгакова является представление о некоем предмирном женском начале, которое появляется в их текстах под разными именами: как София, Душа Мира, Великая Мать, Мать-Земля. Объединяет их также и особое отношение к смерти, которая понимается в христианском ключе — как рождение в новую жизнь и ступень на пути к воскресению. Интертекстуальные связи рассматриваемого стихотворения Иванова с богословскими трудами Булгакова могут говорить как о взаимном влиянии, так и об опоре на общие источники.

Ключевые слова: Вячеслав Иванов, Сергей Булгаков, символизм, София, Мать-Земля, биографический контекст, текстология.

Информация об авторе: Лия Леонидовна Ермакова — преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», наб. канала Грибоедова, д. 123, 190068 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2118-493X>

E-mail: lermakova@hse.ru

Для цитирования: Ермакова Л.Л. «Нетварная Твердь»: Вяч. Иванов и С. Булгаков (об одном стихотворении) // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 1. С. 338–355. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-338-355>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 1, 2022

“UNCREATED FIRMAMENT”: VYACH. IVANOV AND S. BULGAKOV (ABOUT A POEM)

© 2022. Liia L. Ermakova

*National Research University Higher School of
Economics, St. Petersburg, Russia*

Received: March 12, 2021

Approved after reviewing: October 25, 2021

Date of publication: March 25, 2022

Acknowledgements: The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2020 (grant № 19-04-044) and of the Russian Academic Excellence Project “5-100.”

Abstract: Russian symbolist Vyacheslav Ivanov and religious philosopher Sergius Bulgakov were connected by formal relations and friendship in 1905–1918. In 1914 Ivanov published the poem “Mother” (“Te glyby chto nezžno zasypali grob...”), with a dedication to Bulgakov. The article discusses this poem and its draft version, which allows to trace the movement of the poet’s creative thought. The biographical context is the death of Bulgakov’s mother — he described his intimate experience in the “Unfading Light” (“Svet Nevecherniy”). Special attention is paid to the symbols and motifs typical to Ivanov’s poetics: the firmament, the sun-heart and the motive of transparency. An idea, common both for Ivanov and Bulgakov, is that of some pre-world feminine principle that appears in their texts under different names: as Sophia, the Soul of the World, Great Mother, Mother Earth. They are also united by the special attitude towards death which is understood in a Christian way — as a birth into a new life and just a step on the path of resurrection. The intertextual connections of the poem with the philosophical and theological works by Bulgakov may be considered as a result of mutual influence and their reliance on common sources.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, Sergius Bulgakov, symbolism, Sophia, Mother Earth, biographical context, textology.

Information about the author: Liia L. Ermakova, National Research University Higher School of Economics, Gribojedov Canal Emb., 123, 190068 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2118-493X>

E-mail: lermakova@hse.ru

For citation: Ermakova, L.L. “Uncreated Firmament’: Vyach. Ivanov and S. Bulgakov (about a Poem).” *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 1, 2022, pp. 338–355. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-338-355>

Когда именно и при каких обстоятельствах состоялось знакомство Вяч. Иванова и С. Булгакова точно неизвестно, но, по-видимому, начало их общения стоит связывать с журналом «Вопросы жизни», издававшимся с января 1905 г., редактором которого Булгаков выступил совместно с Н.А. Бердяевым и в котором Иванов активно публиковался.

В марте 1905 г. Вяч. Иванов вернулся из Европы в Россию и в конце июля обосновался в Петербурге на Таврической улице. 26 августа С. Булгаков присутствовал на импровизированном вечере, состоявшемся у Ивановых дома [2, с. 125–126], но посетителем знаменитых «сред» на Башне, в отличие от Н. Бердяева, он не был. В апреле 1906 г. Вяч. Иванов опубликовал в газете «Народ», непродолжительное время издававшейся С. Булгаковым в Киеве, три стихотворения под общим заголовком «Пасхальные стихотворения». Два из них вошли в сборник “*Cor Ardens*” (1911) под заголовком «Пасхальные свечи» и с посвящением С.Н. Булгакову. Сам Булгаков позже писал об этом в письме к А.С. Глинке (19 марта 1915 г.): «А вот стихи пасхальные в “Народе” (Белявской и Вяч. Ив. <Иванова>) вспоминаю и доселе как сноп лучей» [20, с. 629]. Летом 1906 г. С. Булгаков переехал из Киева в Москву и в том же году был избран депутатом во II Государственную думу, так что в Петербурге он бывал по долгу службы.

Значительный сюжет, связывающий наших героев, касается их участия в Религиозно-философском обществе, но в настоящей статье мы намеренно его не затрагиваем, так как эта тема заслуживает отдельного подробного рассмотрения в контексте русской философии начала XX в. и в связи

с идеями В. Соловьева¹. Регулярные встречи С. Булгакова с Вяч. Ивановым относятся к московскому периоду в жизни последнего и обусловлены не только сотрудничеством обоих в РФО, но и близким соседством: в Москве Иванов поселился осенью 1913 г. в квартире на Зубовском бульваре 25, тогда как Булгаков жил в доме номер 15. «Приехал В.И. Иванов с “семейством”. Он живет недалеко от меня. Когда видимся, он почти неизменно пленяет своей исключительной одаренностью, “вещью”, а остальное его Вы знаете. Злоба дня для него, конечно, Штейнер и штейнерианство, об этом всего больше говорится», — сообщал Булгаков в письме к А.С. Глинке 1 ноября 1913 г. [20, с. 560]. Иванов нанес визит Булгакову 25 сентября, через несколько дней после своего приезда в Москву [8, с. 226].

Имя С. Булгакова как посетителя Ивановых то и дело появляется в письмах жившего у них В.Ф. Эрн [20, с. 578], Л.В. Иванова упоминает его как человека близкого их семье [23, с. 64]. Вяч. Иванов присутствовал на рукоположении Булгакова в сан священника в Москве 11 июня 1918 г. [18, с. 110]. Возможно, это была одна из последних их встреч — через две недели Булгаков уехал в Крым и до высылки из России в декабре 1922 г. в Москву не возвращался. В эмиграции в переписке они, по-видимому, не состояли. Незадолго до своего перехода в католичество, летом 1927 г. Л.В. Иванова встретила с Булгаковым в Париже, в том числе по совету отца: «Ремизовых навести, Бердяевых, Шестова, — как хочешь, Булгакова, — даже очень, — он с католиками воюет...» [25, с. 552]. Во время этой встречи Булгаков сурово отговаривал ее от решения принять католичество, обличая «гордыню католической Церкви» [23, с. 207–208].

Если в период общения в Москве и Петербурге С. Булгакова от Вяч. Иванова могла отталкивать увлеченность последнего «штейнерианством» (к теософии Булгаков относился отрицательно [15, с. 52–53])², то в эмиграции, несомненно, главным пунктом расхождений был разный взгляд на католическую церковь. Период увлечения католичеством в 1921–1923 гг. Булгаков преодолел; о его оценке присоединения Иванова к католической церкви известно со слов последнего, который в 1932 г. писал

¹ Отметим, что исследователи творчества Вяч. Иванова и наследия С. Булгакова не раз отмечали их очевидные точки соприкосновения, но из специальных работ можно назвать только статью Л.А. Гоготишвили о философии имени [5, с. 16–103].

² Отрицательно С. Булгаков также отнесся и к женитбе Вяч. Иванова на его падчерице В.К. Шварсалон [18, с. 114].

Э.Р. Курциусу: «...хотя Булгаков и Бердяев являются самыми дорогими моими друзьями, я все же отрицательно отношусь к их идеологиям. Булгаков ценил во мне “благочестивого язычника”, “елевсинца”, но считал меня “посредственным христианином”: теперь же он весьма разгневан моим отпадением от восточной схизмы, однако утешает себя тем, что я вовсе не призван судить о делах христианских» [19, с. 391]³.

Стихотворение Вяч. Иванова «Мать», о котором пойдет речь далее, впервые было опубликовано в 1914 г. в журнале «Сирин» (Сб. 3) с посвящением С.Н. Булгакову в подборке «Три стихотворения». Позже оно вошло в третий раздел сборника «Свет вечерний» (1962). В черновых набросках состава сборника этот раздел, в самом издании никак не озаглавленный, имеет в одном случае заголовок «Ушедшие» (Римский архив Иванова. Оп. 1. Карт. 3. Папка 12. Л. 3 об.)⁴, в другом — “Nostalgia” (РАИ. Оп. 2. Карт. 37. Папка 3. Л. 5 об). Те, кому посвящены стихотворения, собранные здесь, — это некогда близкие Иванову люди, которых на момент составления сборника уже не было в живых. «Мать» также фигурирует в списке стихотворений, озаглавленном «[Мать]-Земля», в записной книжке Иванова 1920 г. [26, с. 261–262]⁵.

Приведем текст стихотворения по публикации в «Свете вечернем»:

МАТЬ

С.Н. Булгакову.

Те глыбы, что нежно засыпали гроб
 (Так снежным теплом одеваает сугроб
 Озимый посев чернозёмья), —
 Меж тем как ручался пред нивами звон,
 Что лоно Родимой — могильный полон, —
 Те мягкие, черные комья, —

3 См. также черновик письма Вяч. Иванова к С.Л. Франку с упоминанием Булгакова в контексте рассуждений о «восточной схизме» [21, с. 440].

4 Более ранний вариант на латыни “Defunctis” («Усопшим») [11, с. 33].

5 Два стихотворения из списка, а именно «Деметра» и «Память земли», комментаторы идентифицировать не смогли; мы предполагаем, что «Деметра» — это «Письмо из черноземной деревни» («Я для раздолий черноземных...»).

Я слышал их грохот о горестный дуб
В словах твоих, верный. И горек и люб
Мне был твой рассказ незабвенный,
Как в день обручальный учила внимать
Смиренную душу Таинница-Мать
Обетам Души сокровенной.

И дольняя как бы ни застила пыль
Очам одряхлелым священную бльь,
Во мне не найдешь иноверца:
Зане нам обоим чрез милую Смерть
В земле просквозила нетварная Твердь
И тайна глубинного Сердца.

Черновой карандашный автограф стихотворения сохранился в фонде Вяч. Иванова в РНБ (Ф. 304. Ед. хр. 12. Л. 13–14) в тетради, содержащей также черновой автограф перевода трагедии Эсхила «Хозфоры» и белой — стихотворения «Я для раздолий черноземных...» с посвящением Ю. Верховскому и датой 25 августа 1913 г. «Черноземный», «черноземье» — это малочастотная лексика в поэтическом языке Иванова. Помимо нашего стихотворения и послания к Ю. Верховскому, она встречается в сонете, посвященном М.А. Бородаевской («Я полюбил оазис Ваш дубовый / В кольце логов, средь пашни черноземной...»), датированном 9 сентября 1913 г. [22, т. 4, с. 14]. Эти стихотворения были написаны в период пребывания Иванова с семьей в имении В.В. Бородаевского в Курской (черноземной!) губернии, откуда он уехал в Москву не позднее 24 сентября [4, с. 525]. Таким образом, черновик можно датировать летом-осенью 1913 г.

Приведем текст черновика: римскими цифрами обозначены варианты первой строфы в той последовательности, как они идут в автографе, арабская нумерация строк ориентируется на окончательный текст. Иванов пять раз переписывает начало первой строфы, в V варианте он добавляет вторую, третью и четвертую строфы, причем строки 16–18 из-за нехватки места вписаны между строками 1–3 того же варианта; строки 14–15 записаны после IV варианта первой строки, возможно, по той же причине.

I	1а	Те [черные] глыбы опавшей земли
	1б	Те мягкие глыбы опавшей земли
	3а	В краю дорогом черноземья
	3б	В родимом краю черноземья
II	1а	Те [черные] глыбы, что [матери] гроб
	1б	Те глыбы, что милый засыпали гроб
	2а	[Одели,] как [землю] озим[ую] снежный сугроб
	2б	Как озими кутает снежный сугроб
III	3	В родимых полях черноземья
	1	Те глыбы, что нежно засыпали гроб,
	2а	Как ласково кутает теплый сугроб
	2б	Как [теплою лаской] ласковым саваном кроет сугроб
	3	Озим[ую]ый посев черноземья
IV	4	[Меж тем]
	1	Те глыбы, что [сыпались <?>] взяли в свой нежный полон
	14	[С тех пор] Нет, мы не чужие, и
	15	Не узришь во мне иноверца
V	1	Те глыбы, что милый засыпали гроб
	2	Как нежным теплом одеваает сугроб
	3	[Озимый] Осенний посев черноземья
	4	Меж тем как ручался пред нивами звон
	5	Что лоно рожденья могильный полон,
	6	Те мягкие черные комья
	7а	[Я видел их, мнится, и слышал их звук]
	7б	Я слышал их грохот о горестный дуб
	8	В словах твоих, верный, и горек и люб
	9	Мне был твой рассказ прямодушный
	10а	О том, [что] как [представшая <?>] [черная] Мать
	10б	О том, как [открытая] [черная] Мать
	10в	О том, как [узрел ты Великую] Мать
	10г	О том, как [поверил ты в черную Мать]
	10д	О том, как в тот миг научила внимать
	11	Покорную душу родимая Мать
	16	Затем что обоим явила нам Смерть
	17	Чрез черные глыбы нетварную Твердь
18	И алость подз...	

Образы и символы стихотворения типичны для поэтики Вяч. Иванова: Мать — это в первую очередь Мать-Земля, которая одновременно является и последним прибежищем брэнного человеческого тела, его тем-

ницей, но также и рождающим лоном («лоно Родимой»). Мифологема смерти, неотделимой от воскресения, обуславливает и характерные для нее образы, и антитезу как структурообразующий принцип текста: глыбы засыпают гроб, но *нежно*; «снежным *теплом* одевает сугроб»; могильный полон — *лоно*; «и горек и *люб*»; иноверец — *верный*; застить — *сквозить*; дольная пыль — нетварная *Твердь*; «*милая* Смерть». Еще один сквозной мотив — мотив некоего тайного знания, объединяющего адресата и адресанта: лоно земли скрывает гроб, *Таинница-Мать*, обеты души *сокровенной, тайна* глубинного Сердца. Местоимение «те», открывающее стихотворение, указывает на пространственно-временную дистанцию между адресантом и описываемым событием, что далее явствует из обращения, так что «я слышал» обозначает воображаемое присутствие, а не реальное.

Наблюдая за черновиком стихотворения, мы можем заметить, как из первой строфы уходит конкретизация по отношению к событию и пространству, в котором оно происходит: «матери гроб» становится «милым гробом», а затем просто неким «гробом», без эпитета; «родимые поля» (или «дорогой край») — просто «черноземьем». «Черноземье», в свою очередь, из реального локуса постепенно переходит в план метафорический: если не знать биографического контекста, не вполне понятно, имеет ли отношение черноземье к реальному событию.

Биографический контекст стихотворения легко обнаруживается: событие, которое составило содержание «рассказа незабвенного», — это смерть матери Булгакова Александры Косминичны (урожд. Азбукиной) 16 сентября 1906 г. [6], похороненной в Ливнах, в черноземной Орловской губернии. В «Свете невечернем» в небольшом отступлении, озаглавленном «Земля родимая», Булгаков пишет:

Был долгод печальный путь от сверкающего, пышного юга к тишине, покою, молчанию родных полей. О, это мгlistое, морозное утро с пустынными, побелевшими полями! <...> «Упокой, Господи, душу усопшия рабы Твоея», — горячей молитвенной волной ворвалось в мое полузабытье панихидное пение, — это молится о ней родная Церковь. И понесли к могиле свершить последнее таинство жизни. «Земля еси и в землю отыдеши». О нет, не горечью, не унижением звучат слова суда Господня, но радостью великою, безмерною. Черная, сыпучая, мягкая, неслышно и ласково падала земля

на гробовую крышку, как заботливая мать укладывала она на ночлег усталую путницу. Великая Матерь лоно раскрыла. А там высоко торжественно и упоительно, печально и строго вызванивали погребальный плач колокола, и, казалось, ликовало и пело небо. Душа изнемогала от муки и блаженства. Уходило сознание. Скорбь переходила в испуганную радость. Сердце горело и трепетало. Обнажились сокровенные струны и звучали чудесным, нездешним звоном: смерть и рождение, брак и погребение, небо и земля [15, с. 175].

Интертекстуальные отношения на уровне почти прямого цитирования заставляют думать, что Вяч. Иванов мог не только слышать устный рассказ, но и читать сам текст: с черновыми вариантами перекликаются «родные поля», «ласково», «Великая Матерь»; с окончательным текстом — «черная, мягкая земля», «лоно», «звон», «сокровенные», «брак». Фраза «Не горечью, но радостью великою...» о словах из литургии позволяет интерпретировать «лоно Родимой — могильный полон» двояко: предикатом возможно считать и первую, и вторую часть. А вот «черные глыбы» (один из вариантов в черновике) и вообще само «глыба», как и «озимь», «озимый» — это лексика из поэтического словаря Иванова⁶, которая неизменно появляется как в его стихах, так и в прозе в контексте смерти и воскресения.

Существительное «твердь» означает небо (лат. *firmamentum*, др.-греч. στερρόωμα), и у Вяч. Иванова встречается только в таком употреблении. В Книге Бытия говорится: «И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом» (Быт. 1: 6–8). Понятие οὐρανός, которое фигурирует в Септуагинте, в ранней христианской космографии рассматривалось как верхнее небо, расположенное над твердью, а твердь с одной стороны была дном небесного моря, а с другой к ней крепились неподвижные звезды. Отголоски такой концепции можно видеть у Вяч. Иванова в поэме «Солнцев перстень»: «“...тверди звездной / Что богаче?” Молви: “Смерть, / Что над твердью держит твердь”»⁷.

6 «Черные глыбы» — это еще и реминисценция из стихотворения В. Соловьева «Мы сошлись с тобой недаром...».

7 Ср. у Я. Беме, который, говоря о верхнем небе, где обитают ангелы, и нижнем небе, царстве Люцифера, пишет: «Вот почему существует крепчайший затвор между самым внешним рождением верхнего неба и сим миром. Ибо твердь между ними есть смерть, господствующая во всех концах в самом внешнем рождении в сем мире...» [13, с. 343].

И твердь и небо, согласно Библии, сотворены Богом, так что в христианском богословии вопрос об их тварности обычно не задается. Почему же у Вяч. Иванова твердь «нетварная»? «Твердь», по-видимому, здесь следует интерпретировать в переносном значении: как самого Бога, ибо только Творец не является тварным. Интересно сравнить это с тем, что пишет Булгаков:

Материя-матерь — меон — есть необходимая основа бытия, возникновения и уничтожения. Если что-либо бывает, то необходимо ему из чего-либо возникнуть и куда-либо возвращаться, ибо безвоздушная область чистого небытия остается за пределами досягаемости. Необходимо материнское лоно, которое есть одновременно и ложесна (платоновское ἐκπαγεῖον), и могила. Иначе говоря, это — Великая Матерь Земля, лик которой греки чтили под именем Деметры (γῆ μήτηρ); это та Земля, которую сотворил Господь «в начале» при создании мира (вместе с «небом»). Быв засемена творческим *да будет*, она изводит из своего лона все существующее, и обратно приемлет в меональные недра свои все, что «есть земля», из нее родилось [15, с. 174].

В интерпретации С. Булгакова, земля и небо сотворены Богом или, вернее, «зарождены», но вне шести дней творения, и они относятся к сфере невидимого человеку высшего мира, являясь «прототипами тварного бытия» [14, с. 22]. Творение мира происходит не из ничего: Булгаков принимает гностический в сущности (и герметический) тезис об эманациях, а именно о том, что Бог творит сам из себя. Утверждение, что греки знали Софию как Деметру («эта матерь таит в себе уже при сотворении своем грядущую Богоматерь» [15, с. 214]), созвучно идеям Иванова о Деметре-Земле-Богоматери, в которой скрывается Мировая Душа. В его творчестве эта мифологема бывает связана еще и с Софией⁸. С.Д. Титаренко считает, что образ Софии Премудрости в стихах Вяч. Иванова становится особенно значимым в 1910-е гг., хотя иногда его присутствие в тексте не вполне очевидно на первый взгляд [9, с. 365]⁹.

8 О Софии в поэзии Вяч. Иванова см.: [3].

9 Замечательны также наблюдения А.Б. Шишкина над редакциями сонета «Язык» (1927): в первой редакции София вынесена в заглавие («Λόγος, Σοφία, Ποίησις»), но затем она исчезает, оставаясь лишь намеками в поэтических образах [11, с. 34–35].

Нетварной у С. Булгакова является сама София Божественная, которая, впрочем, не тождественна Богу [15, с. 195]. Нетварен еще и Фаворский свет в учении Григория Паламы, чье богословие оказало значительное влияние на русскую религиозную философию начала века, включая Булгакова [1]. В более поздней своей работе «Невеста Агнца» Булгаков прямо называет небо «несотворенным» [14, с. 22].

Глагол «просквозила» отсылает к важному для понимания идей Вяч. Иванова концепту «прозрачности»; «прозрачность» — это некое идеальное состояние, позволяющее узреть сквозь материю божественную сущность¹⁰. Глагол «сквозить» или «просквозить» часто употребляется Ивановым, когда он пишет о мистическом созерцании¹¹.

У С. Булгакова сходный мотив обычно встречается в связи с Софией и описывается глаголом «просвечивать»: «Красота предмета есть его софийная идея, в нем просвечивающая» [15, с. 207]; «...над дольным миром реет горящая София, просвечивая в нем как разум, как красота, как... хозяйство и культура» [17, с. 139]; «Софийная душа мира закрыта многими покрывалами, как Саисская богиня, причем эти покрывала сами собой истончаются по мере духовного восхождения человека» [15, с. 203]. Образ Саисской богини (Изиды), закутанной в покрывало, у Вяч. Иванова возникает часто, и его можно соотнести как с концептом «прозрачности», так и с Великой Матерью, Мировой Душой¹². Как отмечают исследователи, этот образ вообще характерен для поэтики русского модернизма, а источником вдохновения для Иванова, по-видимому, были не столько непосредственно сочинения мистиков, сколько творчество немецких романтиков [12; 7, с. 104–108]. Замечательно, что Саисская богиня появляется уже в ранних поэтических опытах Иванова в 1880-е гг. [10, с. 66–81].

10 Известно описание визионерских практик Вяч. Иванова — Г.В. Обатнин связывает их с антропософской медитацией [7, с. 83], когда созерцаемый предмет становится прозрачным.

11 Например: «Снилось мне: сквозит завеса / Меж землей и лицом небес...» («Beethoveniana»); «Сквозит родной могилой / Прозрачный фимиам...» («Примитив»); «Жди: просквозят дымный затвор — огни розы» («Роза огня»). Возможно, глагол «сквозить» Вяч. Иванов избрал не без влияния программного для него стихотворения Ф.И. Тютчева «Эти бедные селенья...» («сквозит и тайно светит»).

12 В статье «О Новалисе» Вяч. Иванов, прибегая к мотиву сквозения, пишет: «...через Саисскую богиню, таинственную девственницу, которую не познал ни один бог и ни один смертный, просквозил облик Божьей Матери» [22, т. 4, с. 275].

В связи с рассматриваемым стихотворением особенно интересны те случаи, где мотив сквозения у Вяч. Иванова ограничивается определенным контекстом, а именно созерцанием некоего объекта в глубине: «Нисходит ночь. Не в звездных письменах / Ищи звезды. Склонися над могилой: / Сквозит полнощным Солнцем облик милой» (цикл «Снега» из “*Cor Argens*”); «...И дале, дале / Тонула роза: нет затону дна. / Тонула — и росла в живом кристалле, / И светит солнцем алым из глубин» («Феофил и Мария»); «Прозрачным взору сад могильный стал, / И просквозила персть — пучиной света / Зыбучего. На дне рубин блистал, / Святая Роза Нового Завета, — / Как Пасха красная ночных глубин, / Как светоч свадебный Господня лета!» («Феофил и Мария»). Иногда вместо тверди такой мотив сочетается с образом прозрачного водоема; апокалиптические мотивы особенно явно проступают в тех стихотворениях Иванова, где море (или твердь) стеклянное, кристалльное или огненное: эти образы отсылают к Откр. 4: 6 и 15: 2¹³.

В черновике рассматриваемого стихотворения последняя строка «И тайна глубинного сердца» читается как «И алость подз...» (отточие авторское). Гипотетически можно восстановить ее как «И алость подземного сердца». В творчестве Вяч. Иванова такие символы, как сердце, солнце, роза, рубин обладают свойством перетекать один в другой, как в приведенных выше примерах из поэмы «Феофил и Мария». Интересно, что Иванов отказался от первоначального «алость», которое усилило бы визуальность образа сердца, в пользу абстрактной «тайны». Гипотетически восстанавливаемый эпитет «подземное» также придало бы больше конкретики, в отличие от «глубинного» в окончательном варианте, так как глубь — и внизу, и сверху, и в самом человеке как микрокосме. Такая двойственность не случайна: укажем на излюбленный Ивановым герметический тезис из «Изумрудной скрижали» «то, что находится внизу, соответствует тому, что пребывает сверху», и на встречающийся у него символ «двудиного» Сердца-Солнца, горящего «в моей всесвятой глубине» («Псалом солнечный»). Кроме того, аллитерационная переключка и паронимия (глыбы, гроб, сугроб, грохот, горестный, горек, глубинный) подчеркивает связь между ключевыми образами стихотворения и замыкает его.

¹³ См. стихотворения “*Apollini*” («Когда вспоит ваш корень гробовой»), «Канцона I» («Великий колокол на богомолье...»).

Образ сердца, сквозящего под твердью, близок тем образам, которые встречаются у Я. Беме. У него небесная твердь — своего рода преграда, отделяющая этот мир от Бога: «Ты, может быть, спросишь теперь: что же это за небесная твердь (eine Feste des Himmels), которой я не могу ни видеть, ни постигать? Это есть твердь между ясным Божеством и поврежденною природою, и ты должен пробиться сквозь нее, если хочешь к Богу...» [13, с. 366]. В небе находится «вечное безначальное сердце Божие», оно же свет, которое в то же время «непрестанно рождается в теле сего мира» [13, с. 441]. Э. Сведенборг, выстраивающий свой аллегорический комментарий на Книгу Бытия на основе указанного тезиса о соответствиях, интерпретирует твердь, которую Бог называет небом, как «внутреннего человека» (homo internus) [27, p. 8].

«День обручальный» можно понимать двояко: обручальный — для адресата послания или для покойного. Обручение у Вяч. Иванова в контексте смерти-воскресения — это обручение с Христом или с Землею: «И дышит веянье святое / Из глыб могильной глубины. / Так схоронив кольцо литое, / Мы с Матерью обручены» («День Вознесения»); «Мы обручились с Богом, / Кто в Жизни — Смерть, и в Смерти — Воскресенье» («Канцона I»). На инцестуальном мотиве, который может сопутствовать сюжету брака с Матерью-Землею, построено другое стихотворение Иванова с таким же названием — «Мать» («Вещал Эдипу Аполлон...»), где брак Эдипа с Иокастой подается в мистическом ключе¹⁴.

«Черная Мать», «открытая черная Мать», «Великая Мать», «родимая Мать» — разные варианты, которые мы видим в черновике Вяч. Иванова, отсылают к Земле, о которой пишет С. Булгаков в процитированном выше пассаже о похоронах матери («Великая Мать лоно раскрыла»). «Таинница-Мать» в окончательном варианте дает большую возможность для интерпретаций. Слова «таинник» и «таинница» у Иванова встречаются неоднократно: «Таинник ночи, Тютчев нежный...», «Таинница Духа земная» («Неведомому Богу»), «Таинница Любви» («Ad Rosam»), «...Изидой, Таинницей Лазурного Цветка» («Ф.Ф. и М.Ф. Кокошкиным»), «Змеи! ... Солнца

14 Истолкование мифа об Эдипе Вяч. Ивановым см. в его примечаниях к мелопее «Человек» [22, т. 2, с. 741], где в Иокасте он усматривает Душу Мира, а в кровосмесительном браке Эдипа с нею — тщетную попытку человека познать Душу Мира, которая также скрывается в фигуре Саисской богини, чье покрывало не поднял «ни один бог и ни один смертный».

таинницы, Ночи наперстницы» («Сон Мелапма»). «Таинница» — это перевод греческого *μυστικός*, т. е. «посвященная в тайну, в таинства». Здесь мы приходим к двум существенным обстоятельствам. С одной стороны, *μυστικός* — эпитет Софии («Она таинница ума Божия и избирательница дел Его», Прем. 8: 4. Синодальный перевод) и Богородицы («Промышления Божественного Таинница» — из «Акафиста Рождеству Пресвятой Богородицы»). С другой стороны, мисты — это, в античных мистериальных культах, еще и посвященные в мистерии. Таким образом, в отличие от первоначальных вариантов, обладающих скорее языческим ореолом (особенно «Великая Мать»), «Таинница-Мать» звучит более по-христиански, но в то же время скрывает в себе и другие смыслы.

В статье «Сны Геи» (1916), отклике на книгу Вяч. Иванова «Борозды и межи», С. Булгаков пишет, что «В. Иванов находится под наитием прама-тери Геи» и «щедрость даров Геи к своему таиннику так велика, что не всегда под силу и справляться с ними их носителю» [16, с. 135–136]. Таинником, т. е. посвященным в тайны Матери-Земли, оказывается здесь сам Иванов. Далее Булгаков развивает мысль о том, что его творчество «относится более к мистике, чем к религии, стоит ближе к стихии природно-языческой, нежели духовно-христианской», с оговоркой: «Конечно, вне обсуждения остается здесь всем известное христианское мировоззрение и вероисповедание поэта» [16, с. 136–137]. В отличие от Булгакова, Н.А. Бердяев в письме к Вяч. Иванову от 30 января 1915 г. высказывался более резко, называя Иванова язычником по мироощущению [24, с. 138–139]. Фраза «Во мне не найдешь иноверца» звучит в таком контексте как своего рода автоапология поэта, который, несмотря на застывшую глаза «дольнюю пыль», помнит о тайне, явленной ему через «милую Смерть» (наверное, это не просто обобщение, но имеется в виду смерть Л.Д. Зиновьевой-Аннибал). Кульминационное «мы» объединяет адресата, который поделился своими личными переживаниями, и адресанта общей сопричастностью к тайне любви, смерти и воскресения.

В своей работе о Новалисе Вяч. Иванов пишет: «Смерть есть увенчание любви, ее высшее выявление на земле, прорыв для любви через преграду микрокосма в просторы божественной жизни» [22, т. 4, с. 274]. «Не знаю, как кто, а я в смерти сильнее, чем в чем-либо слышу и чувствую Бога» — как будто соглашается с ним С. Булгаков (письмо к А.С. Глинке, 14 мая 1912 г.)

[20, с. 458]. Интертекстуальные связи стихотворения «Мать» с сочинениями С. Булгакова могут говорить как о взаимном диалогическом влиянии, так и об общих источниках (среди которых — западно-христианские мистики и немецкие романтики), вдохновлявших Вяч. Иванова и С. Булгакова.

Список литературы

Исследования

- 1 *Бирюков Д.С.* Два мыслителя в разговоре о паламизме: софиологический паламизм о. Сергия Булгакова и неопаламизм о. Георгия Флоровского (1920-е гг.) // Вопросы богословия. 2020. № 1 (3). С. 13–43. DOI: 10.31802/2658-7491-2020-1-3-13-43.
- 2 *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М.: Изд-во Кулагиной, Intrada, 2009. 286 с.
- 3 *Быстров Н.Л.* К пониманию образа Софии Премудрости в поэзии Вячеслава Иванова // Русская литература. 2019. № 2. С. 116–130. DOI: 10.31860/0131-6095-2019-2-116-130
- 4 *Глухова Е.В.* Вячеслав Иванов и Валериан Бородаевский: к истории взаимоотношений // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. Вып. 1. С. 493–532.
- 5 *Гоготшивили Л.А.* Между именем и предикатом (символизм Вяч. Иванова на фоне имяславия) // Гоготшивили Л.А. Непрямое говорение. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 16–103.
- 6 *Мотков С.И.* Родословная С.Н. Булгакова — новые архивные материалы // Булгаковские чтения: Сборник научных статей по материалам VIII Всероссийской научной конференции / под общ. ред. Л.И. Пахарь. Орел: ООО ПФ «Картуш», 2015. С. 5–20.
- 7 *Обатнин Г.* Иванов-мистик (Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919)). М.: НЛО, 2000. 240 с.
- 8 *Обатнин Г.* «Φιλία» Вяч. Иванова как ракурс к биографии // Donum homini universalis. Сборник статей в честь 70-летия Н.В. Котрелева. М.: ОГИ, 2011. С. 214–247.
- 9 *Титаренко С.Д.* «Фауст нашего века»: Мифопоэтика Вячеслава Иванова. СПб.: Петрополис, 2012. 654 с.
- 10 *Федотова С.В.* Поэтология Вячеслава Иванова. Тамбов: ТОГОАУ ДПО «ИПКРО», 2012. 293 с.
- 11 *Шишкин А.* «Слово-плоть»: варианты и редакции сонета Вяч. Иванова «Язык» // Sankirtos: Studies in Russian and Eastern European Literature, Society and Culture: In Honor of T. Venzlova. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. С. 32–48.

- 12 *Wachtel M.* The Veil of Isis as a Paradigm of Russian Symbolist Mythopoesis // The European Foundations of Russian Modernism / Ed. by Peter I. Barta in collab. with Ulrich Goebel. Lewstone; Queenston; Lampeter, 1991. P. 25–49.

Источники

- 13 *Беме Я.* Аврора, или Утренняя заря в восхождении / пер. А.С. Петровского. М.: Рипол классик, Пальмира, 2020. 508 с.
- 14 *Булгаков С.* Невеста Агнца. О Богочеловечестве. Париж: YMCA Press, 1945. 621 с.
- 15 *Булгаков С.* Первообраз и образ: сочинения в двух томах. Свет не вечерний. М.: Искусство; СПб.: Инапресс, 1999. Т. 1. 416 с.
- 16 *Булгаков С.* Сны Геи // *Булгаков С.* Тихие думы. Из статей 1911–1915 гг. М.: Изд-во Г.А. Лемана и С.А. Сахарова, 1918. С. 135–145.
- 17 *Булгаков С.* Философия хозяйства. N.Y.: Chalidze Publications, 1982. 321 с.
- 18 *Булгаков С.Н.:* Pro et Contra. СПб.: РХГИ, 2003. Т. 1. 1000 с.
- 19 *Вахтель М.* Переписка Вячеслава Иванова с Э.Р. Курциусом // Текст и традиция. СПб.: Росток, 2016. Вып. 4. С. 386–407.
- 20 Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках... / сост. В.И. Кейдана. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 752 с.
- 21 Иванов – Франк / подгот. текста Дим. Иванова и А. Шишкина, коммент. В. Франк, Дим. Иванова, А. Шишкина // Символ. 2008. № 53–54. 438–457.
- 22 *Иванов В.И.* Собр. соч.: в 4 т. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987.
- 23 *Иванова Л.В.* Воспоминания. Книга об отце / подгот. текста и коммент. Дж. Мальмстада. Paris: Atheneum, 1990. 428 с.
- 24 Из писем к В.И. Иванову и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал Н.А. и Л.Ю. Бердяевых / вступ. ст., подгот. писем и примеч. А.Б. Шишкина // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М.: Наследие, 1996. С. 119–144.
- 25 Избранная переписка с сыном Димитрием и дочерью Лидией / вступ. ст. Ф. Лесур, подгот. текста А. Кондюриной и О. Фетисенко, коммент. С. Кульюс и А. Шишкина // Символ. 2009. № 53–54. 458–627.
- 26 Неизвестная записная книжка <1920> Вяч. Иванова / публ. Дж. Малмстада и М. Павловой // *Donum homini univeaslis:* Сборник статей в честь 70-летия Н.В. Котрелева. М.: ОГИ, 2011. С. 252–265.
- 27 *Swedenborg E.* Arcana Coelestia. London: [John Lewis], 1749. Vol. I. 630 p.

References

- 1 Biriukov, D.S. "Dva myslitel'ia v razgovore o palamizme: soziologicheskii palamizm o. Sergiia Bulgakova i neopalamizm o. Georgiia Florovskogo (1920-e gg.)" ["Two Thinkers Discussing Palamism: Fr. Sergius Bulgakov's Sophiological Palamism and Fr. Georges Florovsky's Neo-Palamism (1920s)"]. *Voprosy bogosloviia*, no. 1 (3), 2020, pp. 13–43. DOI: 10.31802/2658-7491-2020-1-3-13-43 (In Russ.)
- 2 Bogomolov, N.A. *Viacheslav Ivanov v 1903–1907 godakh: Dokumental'nye khroniki* [*Viacheslav Ivanov in 1903–1907: Documentary Chronicles*]. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi, Intrada Publ., 2009. 286 p. (In Russ.)
- 3 Bystrov, N.L. "K ponimaniiu obraza Sofii Premudrosti v poezii Viacheslava Ivanova" ["On Understanding the Image of Wise Sofia in Vyacheslav Ivanov's Poetry"]. *Russkaia literatura*, no. 2, 2019, pp. 116–130. DOI: 10.31860/OI31-6095-2019-2-116-130 (In Russ.)
- 4 Glukhova, E.V. "Viacheslav Ivanov i Valerian Borodaevskii: k istorii vzaimootnoshenii" ["Vyacheslav Ivanov and Valerian Borodaevsky: On the History of their Relations"]. *Viacheslav Ivanov: Issledovaniia i materialy* [*Vyacheslav Ivanov: Studies and Materials*], issue 1. St. Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma Publ., 2010, pp. 493–532. (In Russ.)
- 5 Gogotishvili, L.A. "Mezhd u imenem i predikatom (simvolizm Viach. Ivanova na fone imiaslaviia)" ["Between the Name and the Predicate (Symbolism of Vyach. Ivanov in the Context of the Onomatodoxy)"]. Gogotishvili, L.A. *Nepriamoe govorenie* [*Indirect Speaking*]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2006, pp. 16–103. (In Russ.)
- 6 Motkov, S.I. "Rodoslovnaia S.N. Bulgakova — novye arkhivnye materialy" ["S.N. Bolgakov's Genealogy — New Archival Materials"]. Pakhar', L.I., editor. *Bulgakovskie chteniia: Sbornik nauchnykh statei po materialam VIII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [*Bulgakov's Readings: Collected Articles Based on the Materials of the Russian Conference*]. Oryol, OOO PF "Kartush" Publ., 2015, pp. 5–20. (In Russ.)
- 7 Obatnin, G. *Ivanov-mistik (Okkul'tnye motivy v poezii i proze Viacheslava Ivanova (1907–1919))* [*Ivanov as a Mystic (Occult Motifs in Vyacheslav Ivanov's Poetry and Prose (1907–1919))*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. 240 p. (In Russ.)
- 8 Obatnin, G. "Φυλία Viach. Ivanova kak rakurs k biografii" ["Φυλία of Vyach. Ivanov as a Perspective to the Biography"]. *Donum homini universalis. Sbornik statei v chest' 70-letii N.V. Kotreleva* [*Donum homini univeraslis: Collected Articles in Honor of the 70th Birthday of N.V. Kotrelev*]. Moscow, Ob'edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo Publ., 2011, pp. 214–247. (In Russ.)
- 9 Titarenko, S.D. "Faust nashego veka": *Mifopoetika Viacheslava Ivanova* ["Faust of Our Century": *Mythopoetics of Vyacheslav Ivanov*]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2012. 654 p. (In Russ.)
- 10 Fedotova, S.V. *Poetologiia Viacheslava Ivanova* [*Poetology of Vyacheslav Ivanov*]. Tambov, TOGOAU DPO "IPKRO" Publ., 2012. 293 p. (In Russ.)

- 11 Shishkin A. “Slovo-plot’”: varianty i redaktsii soneta Vyach. Ivanova ‘Iazyk’.” [“‘Word-Flesh’: Variants and Redactions of Vyach. Ivanov’s Sonet ‘Language.’”]. *Sankirtos: Studies in Russian and Eastern European Literature, Society and Culture: In Honor of T. Venclova*. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2008, pp. 32–48. (In Russ.)
- 12 Wachtel, M. “The Veil of Isis as a Paradigm of Russian Symbolist Mythopoesis.” *The European Foundations of Russian Modernism*, ed. by Peter I. Barta, Ulrich Goebel. Lewstone; Queenston, Lampeter, 1991, pp. 25–49. (In English)